

МАГИСТЕРИЯ

*История сложных
и противоречивых
отношений
науки и религии*

НИКОЛАС СПЕНСЕР

Николас Спенсер
Магистерия: История
сложных и противоречивых
отношений науки и религии

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74125826

*Магистерия: История сложных и противоречивых отношений науки и
религии:
ISBN 9785006319813*

Аннотация

Наука и религия веками воспринимаются как враги: Галилей против инквизиции, Дарвин против церкви, разум против веры. Но настоящая история их отношений куда сложнее – и гораздо интереснее. Наука и религия никогда не существовали в изоляции: они спорили, сталкивались, подталкивали друг друга к новым идеям и снова возвращались к одним и тем же вопросам – о мире, человеке, свободе и будущем. От античных философов и исламских ученых до Ньютона, Дарвина, Фрейда, советских космонавтов и техноутопистов Кремниевой долины – эта книга ведет читателя через две тысячи лет открытий, конфликтов, союзов и заблуждений.

Николас Спенсер разбирает великие мифы о вечном противостоянии науки и религии и показывает: за ними скрывается живая, сложная и захватывающая история. Это

история о том, как люди пытались понять устройство Вселенной, происхождение жизни, природу человека, границы знания и смысл будущего, – и о том, почему наука и религия снова и снова оказывались рядом, даже когда спорили друг с другом.

Содержание

Введение	10
Часть I	29
Глава 1	31
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Николас Спенсер

Магистерия: История сложных и противоречивых отношений науки и религии

Знак информационной продукции (Федеральный закон
№ 436–ФЗ от 29.12.2010 г.)

Выражаем благодарность за помощь при подготовке перевода Людмиле Калинцевой

Редактор: *Юлия Самуленок*

Главный редактор: *Сергей Турко*

Руководитель проекта: *Анна Василенко*

Арт-директор: *Юрий Буга*

Корректоры: *Татьяна Редькина, Марина Угальская*

Верстка: *Кирилл Свищёв*

Адаптация оригинальной обложки: *Денис Изотов*

© Nicholas Spencer, 2023

This edition published by arrangement with PEW Literary Agency Limited and Synopsis Literary Agency

© Александра Финогенова, Павел Миронов, перевод на русский язык, 2026

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Альпина Пабlishер», 2026

* * *

НИКОЛАС СПЕНСЕР

МАГИСТЕРИЯ

Неразрывная история науки и религии

Перевод с английского

Все права защищены. Данная электронная книга предназначена исключительно для частного использования в личных (некоммерческих) целях. Электронная книга, ее части, фрагменты и элементы, включая текст, изображения и иное, не подлежат копированию и любому другому использованию без разрешения правообладателя. В частности, запрещено такое использование, в результате которого электронная книга, ее часть, фрагмент или элемент станут доступными ограниченному или неопределенному кругу лиц, в том числе посредством сети интернет, независимо от того, будет предоставляться доступ за плату или безвозмездно.

Копирование, воспроизведение и иное использование электронной книги, ее частей, фрагментов и элементов, выходящее за пределы частного использования в личных (некоммерческих) целях, без согласия правообладателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

*Книга посвящается Джону Хедли Бруку,
эталону учености, эрудиции, щедрости и дружбы*

Опасно показывать человеку бездну его ничтожества, не показывая ему в то же время величия его достоинства. Опасно также открывать ему его величие, не указывая на его низость. Но еще опаснее оставлять его в неведении

о том и другом.

ПАСКАЛЬ. Мысли

Введение

Происхождение зверя

ЧТО СКРЫВАЕТСЯ ЗА ИСТОРИЯМИ

Три жаркие дискуссии. Три блестящие реплики.

Рим, 22 июня 1633 г. 69-летнего мужчину принуждают опуститься на колени перед собранием религиозных судей. После многомесячных допросов он выглядит измученным и сломленным. В одной руке он держит зажженную свечу, а в другой – тщательно выверенный текст. В нем – опровержение труда всей его жизни. Он обязан «отречься» от научной теории, распространению которой посвятил 30 лет и в истинности которой был убежден, и предать ее «презрению и проклятию». Отказ подчиниться приведет к тому, что его будут пытаться. Он нехотя зачитывает полный текст, с трудом поднимается с колен и еле слышно бормочет: «*Errur si muove*». «И все-таки она вертится».

Оксфорд, 30 июня 1860 г. Почти 800 человек теснятся во вместительной, но душной аудитории. После утомительной лекции они с нетерпением ждут увлекательной дискуссии между двумя выдающимися учеными, посвященной актуальной научной теории. Их ожидания оправдаются. По-

сле вступительного слова один из выступающих, представитель официальной церкви, язвительно спрашивает оппонента, предпочел бы он иметь предков-обезьян со стороны бабки или со стороны деда. Тот же, пламенный ученый, несколько не смущенный покровительственным тоном клирика, шепотом обращается к другу: «Господь предал его в руки мои» – и затем отвечает, что предпочел бы вести свой род скорее от обезьяны, чем от епископа. Одна часть толпы в ярости, другая ликует. Какая-то дама падает в обморок.

Дейтон, штат Теннесси, 20 июля 1925 г. Перед зданием суда собралось около 3000 человек. Вся страна следит за процессом по радио, миллионы прочтут о его ходе в завтрашних газетах. Все наблюдают за интеллектуальной игрой в кошки-мышки, которая разворачивается на временном помосте, построенном на лужайке перед судом. Один из оппонентов, 65-летний знаменитый на всю страну политик, отвечает на вопросы о Библии. Точнее, он пытается. Второй, 68-летний известный адвокат, кажется, вот-вот настигнет добычу. «Вы верите в правдивость истории о Ноевом ковчеге?» – «Да, сэр». – «Когда же был Потоп?» – «Я не решусь назвать точную дату». – «Около 4004 года до нашей эры?» – «Так все думают». – «Разве вы этого не знаете?» – «Я никогда не пытался ее вычислить». – «Но как вы думаете?» – «Я не думаю о вещах, о которых не думаю». И убийственный выпад: «А думаете ли вы о вещах, о которых думаете?» Все собравшиеся, вся страна взрывается от хохота, а политик на помосте

плавится от жары и унижения.

Суд над Галилеем, дебаты Гексли и Уилберфорса и «обезьяний» процесс Скоупса уже давно превратились в мифы, став знаковыми примерами в нескончаемой войне религии против науки. Вначале религия победила, но лишь принудив величайшего ученого эпохи отрицать истину о том, что Земля вращается вокруг Солнца; отсюда и знаменитая финальная реплика Галилея. Почти 250 лет спустя религия, более не способная угрожать пытками, прибегает к осмеянию, но встречает достойного противника в лице биолога Томаса Гексли, который с блеском защищает новую теорию эволюции Дарвина перед невежественным и надменным епископом Сэмюэлем Уилберфорсом. И наконец, на американском Юге, уже явно занимая оборонительную позицию, религия подвергается публичному унижению на глазах огромной аудитории и ретируется, израненная и покрытая синяками, хотя и клянется отомстить. На подобных фактах и основывается популярное представление о враждебности и конфликте, очевидном торжестве и унижительном поражении.

Увы, как слишком часто случается в истории, истина гораздо сложнее и противоречивее, чем мифы. Ни отдельные споры, ни рожденный в них центральный нарратив не сводятся к идеям, которые закрепились в общественном сознании. Как мы увидим дальше, вернувшись к этим жарким дискуссиям в частях II, III и IV нашей книги, причины их возникновения и события, которые к ним привели, не имеют

практически ничего общего с их мифологическим объяснением.

Галилей не произносил фразы: «И все-таки она вертится». Гексли не говорил (дословно), будто скорее предпочел бы вести свой род от обезьяны, чем от епископа. И хотя Дарроу действительно спросил Брайана, думает ли тот о вещах, о которых думает, процесс Скоупса затрагивал не только тему эволюции. Иными словами, в истории о каждой из этих знаменитых баталий скрываются внутренние аспекты. Единая стройная интерпретация, которую нам внушали, при близком рассмотрении представляет собой хаотичное переплетение взаимосвязанных баек. Не существует никакой единой и уже тем более единственной «истории науки и религии».

СОЗДАНИЕ И РАЗВЕНЧАНИЕ МИФА

Единая история возникла у нас главным образом благодаря интеллектуальному климату конца XIX в., а особенно благодаря человеку, ответом на чью публичную лекцию была, предположительно, полемика Уилберфорса и Гексли.

Джон Уильям Дрейпер, выдающийся американский химик, считал себя также историком-интеллектуалом. Он родился в семье новообращенного методиста и в двадцатилетнем возрасте покинул Британию, оставшись верным взглядам своего отца на католицизм. Достигнув успеха на научном поприще, он обратился к писательству. Его книга «Ис-

тория конфликта между религией и наукой», вышедшая в 1874 г., упрощенно описывает развитие двух по умолчанию четко определенных и самоочевидных систем как жесточайшее противостояние. Фактически Дрейпер сосредотачивает внимание на католической церкви – его критика почти не затрагивает протестантизм, православие и ислам, – что нашло мощный отклик у его многочисленной протестантской аудитории, большая часть которой была обеспокоена авторитарностью Ватикана. Книга Дрейпера, вкупе с другим солидным полемическим трудом авторства Эндрю Диксона Уайта и безграничной энергией издателя Эдварда Юманса, позволила донести сагу о войне между наукой и религией до беспрецедентно широкой аудитории и внедрить этот нарратив в беспокойные умы протестантов.

Теоретическое изучение истории науки в то время находилось еще в зачаточном состоянии, и лишь ученые следующих поколений обратились к «истории конфликта», о котором писали Дрейпер и Уайт. В важной монографии молодого социолога Роберта Мёртона, вышедшей в 1938 г., утверждалось, что пуританство внесло неоспоримо важный вклад в рождение современной науки, но обсуждение этой темы развернется в полную силу лишь спустя полвека. С конца 1980-х гг. все больше историков (и социологов)¹ оспаривают

¹ Среди которых наиболее выдающимися были Дэвид Линдберг, Рональд Намберс, Джон Брук, Берни Лайтман, Питер Харрисон, Эдвард Ларсон, Джеффри Кантор, Джеймс Унгурияну, Элейн Ховард Эклунд и Ферн Элсдон-Бейкер.

постулат о том, что существует единственная общепринятая модель долгой истории науки и религии, не говоря уже о жестокое противостоянии между ними. Реальность оказалась куда более запутанной и интересной.

Отчасти это произошло благодаря ежедневному и успешному развитию исследовательской работы. Отчасти – благодаря тому, что историки вышли за пределы прежде неоспоримых тезисов. Но отчасти и благодаря новейшим открытиям, ряд которых оказался воистину революционным². В 2018 г. Сальваторе Ричано, аспирант Бергамского университета, изучавший архивы Королевского общества, обнаружил оригинал крайне важного, но, очевидно, утерянного письма, которое Галилей написал во время первого столкновения с папским престолом в 1615–1616 гг., но позже изъясил и отредактировал.

Приблизительно в то же время один дотошный американский исследователь нашел ранее неизвестное и чрезвычайно подробное изложение дискуссии между Гексли и Уилберфорсом, напечатанное в *Oxford Chronicle and Berks and Bucks Gazette*. До этого момента о знаменитом споре было известно лишь из кратких отзывов в прессе и упоминаний в письмах, так что, в сущности, никто не знал, какие именно слова говорили друг другу оппоненты и какова была реакция публики. Новый источник наконец избавил нас от неопределенности.

² Так, католицизм не считается интеллектуальной или политической угрозой, которой он представлялся первым историкам науки и религии в 1870-х гг.

Подобные научные исследования и недавние открытия поставили под сомнение множество мифов, которые прежде воспринимались как реальные факты. Например, наука в христианском мире была гораздо многограннее, чем казалось большинству, и термин «средневековая наука» вовсе не содержит противоречий³. Николай Коперник и помыслить не мог, что его учение является угрозой религии. Самые высокопоставленные церковные иерархи изначально не имели ничего против гелиоцентризма. Почти никто не считал, что отказ Коперника от геоцентрической системы мира унижает человека или лишает его достоинства, как позднее заявлял Фрейд. Джордано Бруно стал мучеником не из-за своих научных изысканий. Да и процесс Галилея был больше связан с Аристотелем, угрозой протестантизма и испорченными отношениями с папой Урбаном, а не с гелиоцентризмом. Католическая наука продолжила существовать после Галилея. Ранние научные сообщества, такие как Лондонское королевское общество, не были антирелигиозными. Ньютон написал гораздо больше теологических трудов, чем научных, и считал их более важными, при этом наука для него не отрицала Бога во Вселенной (в этом аспекте он был не вполне ньютонианцем). Эпоха Просвещения – по крайней мере за пределами Франции – была периодом наивысшей гармо-

³ Этот тезис недавно был вновь с большой убедительностью доказан в книгах Джеймса Хэннэма «Божьи философы: Как средневековый мир заложил основы современной науки» (Лондон: Icon Books, 2009) и Себа Фалька «Светлые века: Путешествие в мир средневековой науки» (М.: Альпина нон-фикшн, 2023).

нии между наукой и религией. Значительная часть ранних изысканий в области геологии осуществлялась служителями церкви, большинство из которых умудрялись без особых душевных мук примирять вновь полученные знания об истории Земли с верой. Дарвин утратил веру не благодаря теории эволюции – по крайней мере не исключительно по этой причине – и до конца жизни отрицал, что эволюция несовместима с теизмом. Дискуссия Гексли и Уилберфорса была не о противостоянии науки и религии или даже конкретнее – не о противостоянии эволюции и акта творения. Процесс над Скоупсом касался в той же мере евгеники, что и эволюции. И так далее и тому подобное. Факты о науке, известные каждому, оказались вовсе не фактами.

Развенчание мифов – полезное, а порой и увлекательное занятие, однако все равно способно закрепить в сознании негативные впечатления. Религия влияла на науку вовсе не столь разрушительно, как нас убеждали. Аллилуйя! Возрадуйтесь! На самом деле на протяжении большей части истории религия не только не находилась «в состоянии войны» с наукой, но и активно ее поддерживала и старалась легитимизировать, сохранять, стимулировать и развивать научные идеи и разработки.

И еще несколько примеров. «Золотой век» исламской науки между VIII и XII вв. действительно существовал, и, хотя некоторые исследователи продолжают утверждать, что мусульмане переняли достижения греческой мысли, неоспо-

рим тот факт, что исламские ученые внесли собственный значительный вклад в классическое наследие.

Несколько веков спустя, во время первого великого научного расцвета в средневековой Европе, еще до всплеска аристотелианизма в XIII в., возникла небольшая группа ученых-христиан, называвших себя *физиками* и развивавших концепцию природы как рационально устроенной, устойчивой, количественно измеримой, постижимой и поддающейся анализу при помощи скептицизма и методологического натурализма системы.

Древняя метафора двух книг Бога – Писания и природы; Его Слова и Его Деяний – создала убедительный аргумент в пользу изучения последней. «Наука» была одобрена теологами и даже стала теологически предписанной деятельностью.

Развитие экспериментального метода в начале XVII в., в частности вклад Фрэнсиса Бэкона в ранний этап науки, было тесно связано с протестантским пониманием грехопадения человечества, согласно которому наряду с нравственными и духовными был нанесен ущерб и когнитивным способностям человека. В результате чего от него не ожидалось, что он найдет путь к истине с помощью мышления, но будет вынужден искать на ощупь, пробовать, переживать на опыте и экспериментировать, чтобы найти таковой.

В ранние годы «современной», привычной для нас науки, когда она обещала столь много, а достигла столь малого, люди жили под защитой теологии.

Существует масса других примеров, рассыпанных по нашей книге, но приведенные пять доказывают, что религия, особенно в эпоху становления науки, выполняла роль ее акушерки. Долгое время отношения между наукой и религией не только не представляли собой безжалостное противостояние, но также отличались взаимовыгодным сотрудничеством.

Да, долгое время, но, следует уточнить, так было не всегда. Не стоит опровергать один упрощенный и недоказуемый нарратив – о постоянном противостоянии, – только чтобы заменить его другим, столь же упрощенным и недоказуемым, – о постоянном согласии.

Итак, последний ряд примеров. Исламская наука после XIII в. действительно постепенно угасала, и произошло это частично по теологическим причинам. Церковь запретила учение Аристотеля в Париже в 1277 г., так как оно было сочтено угрозой теологии. В XVI в. протестанты буквально сопоставили книгу Иисуса Навина с теорией гелиоцентризма Коперника и нашли последнюю несостоятельной. Католическая церковь и впрямь угрожала Галилею пытками, запрещала его книги и не допускала идеи гелиоцентризма на протяжении двух веков. В частности, во Франции церковь старалась всячески подавлять развитие биологии, опасаясь, что ученые подорвут постулат о божественном происхождении жизни. В XIX в. многие считали геологию занятием, противоречащим Библии. Дарвина многократно подвергали на-

падкам его христианские оппоненты, включая служителей церкви. Дебаты Гексли-Уилберфорса и процесс Скоупса не только касались теории эволюции, но и были вызваны ею. И по сей день миллионы протестантов отрицают дарвинизм, как и все больше мусульман. Что ни говори, не получается картины безмятежной гармонии.

ЧТО ЕСТЬ ЧЕЛОВЕК И ЗА КЕМ ПОСЛЕДНЕЕ СЛОВО?

Итак, ситуация неоднозначная. История отношений между наукой и религией не определяется прямым противостоянием. Но нет в ней и нерушимого согласия. Можно ли ее упорядочить? Прослеживаются ли некие замыслы среди хаоса событий?

Историки науки и религии неустанно пытаются их обнаружить или назвать. В научных кругах царит «комплексность»⁴. И все же в процессе создания этой книги выяснилось, что – при всей неоспоримой «комплексности» – истории науки и религии постоянно сходятся на двух пунк-

⁴ Ближе всего к «большой идее» оказался «тезис сложности» Джона Хедли Брука, который, по сути, означает именно то, что подразумевает его название. В качестве замены «тезиса конфликта», с которым сталкивались Брук и другие первопроходцы в этой области, он хорошо справляется со своей задачей. Однако сам Брук ясно дал понять, что сложность – это «историческая реальность, а не теоретический тезис». (Берни Лайтман «Переосмысление истории: Наука и религия» (Питтсбург: Издательство Питтсбургского университета, 2019).

тах. Находимся ли мы в классическом периоде средиземноморской цивилизации, Багдаде X в., Париже XIII в., Риме XVII в., Франции XVIII в., Оксфорде XIX в., России XX в. или Кремниевой долине XXI в., из общего шума неизменно выделяются две отчетливые темы.

Первая – это вопрос авторитетности. Кто имеет право высказываться о природе, космосе и реальности? Довольно долгое время по этому поводу существовало общее согласие, но, когда возникали конфликты между наукой и религией – споры между Отцами Церкви и философами Древнего мира, теологами-рационалистами и религиозными учеными в Аббасидском халифате, теологами и философами в средневековом Париже, бэкониянцами и аристотеликами в ранний период современной науки, духовными натуралистами и учеными Викторианской эпохи, протестантами-креационистами и евгенистами-дарвинистами Юга США, – все они, как правило, сводились к этой проблеме. В огромной степени в «деле Галилея» эти авторитеты были впервые подвергнуты сомнению, когда он и другие ученые начали утверждать свое право судить об устройстве мира природы. То же можно сказать и о дебатах Гексли и Уилберфорса, суть которых состояла в свержении натурфилософов старой школы (таких как Уилберфорс) с их пьедестала учеными-профессионалами новой формации (такими как Гексли). Этот же вопрос стал ключевым и в процессе Скоупса, на котором Брайан, «великий простолудин», обратился к вопросу о том, какой

уровень авторитетности принадлежит народу. Вопрос авторитетности служил своего рода громоотводом при разногласиях – и особенно в совокупности со второй темой.

Тема эта – естество и статус человека. Снова и снова в этих спорах рождается концепция человека – наше физическое устройство, происхождение, назначение, величие и уникальность (или ее нехватка). Снова и снова, даже если дебаты ведутся вроде как о влиянии планет, строении человеческого тела, космическом порядке, законах природы, происхождении жизни, возрасте горных пород или развитии видов, на самом деле речь в них идет о природе человеческого зверя.

Если поразмыслить, это вполне понятно. Лишь самые дремучие люди – неважно, религиозные или нет – могут верить, что наука способна авторитетно ответить на вопрос о существовании Бога. Разумеется, она может обозначить конкретное направление: Бог Авраама, бог философов, бог, который скрывается либо представляет собой лишь изобретение тревожного человеческого разума. Но те, кто считает, что наука может точно рассуждать о вопросе Бога, смешивают физическое и метафизическое.

У человека иная природа. Его существование открыто для тщательного изучения, в отличие от существования Бога, и то, что мы думаем о человеке, глубоко влияет на наши мысли о божественном. Если люди – точнее, если они *всего лишь* безвольные жертвы звезд, или звери полевые, или челове-

ские машины, или разновидность приматов, или рабы своих желаний, или марионетки собственных генов, то это вовсе не те создания, которыми занимаются мировые религии. Большинство религий признают, что человек – существо материальное, то есть обладает физическими, животными, меняющимися генетическими параметрами, но утверждают, что он *больше, чем* такое существо. В нас есть и другое измерение: нравственное, духовное, или вечное, трансцендентное, божественное. На протяжении истории, когда наука объявляла человека материальным существом, одни религиозные мыслители пожимали плечами, другие приходили в ужас. Но когда она объявляла его *всего лишь* материальным существом, то ужасались уже все. В этом смысле запутанные вопросы науки и религии периодически совпадали, когда речь шла о природе человеческого зверя или, точнее, о его природах, потому что на кону стояло не столько то, как мы понимаем самих себя, но скорее то, возможны ли разные варианты восприятия.

Что или кто такой человек – и за кем или чем последнее слово? Эти два вопроса переплетаются в истории науки и религии, словно русла двух рек в долине. Не каждая особенность ландшафта является результатом их течения. Временами наука и религия действительно представляли собой интерпретацию эмпирического опыта и чтение священных текстов соответственно. «Иногда сигара – это просто сигара». Более того, даже когда две эти реки – человек и авто-

ритет – оказывались в центре внимания, они не всегда рассматривались как равнозначно важные. Долгое время до обретения наукой и религией подобия современной формы – скажем, до начала XVII в. – вопрос авторитетности стоял куда более остро, возможно потому, что немногие тогда могли вообразить, что наука, или натурфилософия, может бросить тень сомнения на духовную идентичность человека. Позже вопрос авторитетности оставался актуальным, но все большую значимость приобретала природа (или природы) человеческого зверя.

Две наши реки в конце концов слились в конце XIX в. – когда наука превратилась в профессиональное занятие, а Дарвин представил историю эволюции – и тогда же, что во все не случайно, возник и нарратив о состоянии войны. Но с тех пор, даже когда наука обрела профессиональный статус и авторитет, ее способность заново описать человека и переизобрести общество и саму планету означала, что в Теннесси ли, Вене, Москве, Арканзасе или Кремниевой долине наука и религия по-прежнему ведут живейшую дискуссию о человеческих существах, о нашей природе и нашем будущем.

Итак, повторим: история науки и религии многообразна, она чрезвычайно запутанна и было бы заблуждением укладывать Гипатию Александрийскую, Мухаммада ибн Мусу аль-Хорезми, Маймонида, Аделарда Батского, Роберта Гроссетеста, Николая Коперника, Галилея, Бэкона, Маргарет Кавендиш, Бойля, Ньютона, де Ламетри, Дэвида Хартли, Уи-

льяма Бакленда, Дарвина, Рифаа ат-Тахтави, Диксона и Уайта, Фарадея и Максвелла, Дженнингса и Брайана, Эйнштейна и Дирака, Фрейда, Фрезера и Эванс-Причарда, Юрия Гагарина и Джона Гленна, Джорджа Прайса и Ричарда Докинза, Алана Тьюринга и Рэя Курцвейла в единый однозначный и ясный нарратив. Необходимо видеть историю науки и религии во всей ее неоднородности и сложности.

Но остается два общих вопроса: о том, кто мы такие и за кем решающее слово. И если рассмотрение истории науки и религии еще можно представить без внимания к ним, то понять без них картину мира и основной тезис нашей книги никак нельзя.

НЕРАЗРЫВНОСТЬ

Первая часть «Магистерии» рассказывает историю науки и религии с античных времен до 1600 г. (но не до популярной даты «рождения науки» в 1543 г.). Она охватывает период, когда все поклонялись Богу (богам) и лишь немногие образованные люди изучали мир очень подробно и с разных сторон, но когда ни наука, ни религия еще даже не приблизились к своей нынешней форме. Начинаясь в классическом мире, их история перемещается в исламские Багдад и Испанию, затем на территорию Северной Африки и средневекового европейского иудаизма, в христианские страны и наконец добирается до очень медленного распространения идей

Коперника в сознании (во многом все еще средневековом) людей XVI в. В течение этого времени моменты напряжения сменялись продолжительными периодами гармонии, хотя, поскольку тогда ни наука, ни религия не были похожи на то, что мы понимаем под ними сегодня, все рассуждения о науке и религии балансируют на грани хронологической ошибки.

Далее, в частях II и III, ареал исследования сужается до Западной Европы, где и зародилась наука в привычном для нас виде. В части II под названием «Генезис» мы рассматриваем период XVII и XVIII вв., когда начала развиваться современная наука, и показываем, как европейская религия помогла зарождению, формированию и развитию новой философии. В части III («Исход») исследуется XIX в. и рассказывается, как наука отделялась от своего предка, религии, иногда по родительскому благословению, а порой в результате борьбы за свою независимость. В эту эпоху и возник миф о противостоянии – и подчас для этого были основания. Будучи зажаты между критическим пересмотром священных текстов и ощутимой утратой интеллектуального авторитета, многие верующие гневно обрушились на заявления новой науки об устройстве мира. Но в то же время это была эпоха, когда такая реакция была вполне обоснованна, поскольку некоторые ученые, уверенные в своей способности понять и улучшить человеческую природу и общество и жившие в империях, которые стремились ровно к тому же, явно зло-

употребляли своим авторитетом.

В части IV географическая перспектива вновь расширяется, и повествование продолжается приблизительно от рубежа XX в. до настоящего времени, охватывая период, когда большинство (хотя и не все) дискуссии об авторитетности были улажены, а наука и религия вступали в разносторонние и незавершенные – порой взаимовыгодные, а порой неуправляемые – диалоги. Пусть антропологи исследовали глубины прошлого, фрейдисты – глубины подсознания, а советские космонавты – глубины космоса, религия и наука казались неразрывно связанными, и эта связь как будто становилась все прочнее, пока биологи-эволюционисты утверждали, что люди, по сути, лишь набор генов, нейробиологи – что они лишь мозговая активность, а техноутописты Кремниевой долины – что они лишь алгоритмы. Мы прокладываем свой путь в потрясающий новый век, с нетерпением ожидая прихода новых роботов-повелителей, в то время как наука и религия, совместная история которых насчитывает тысячелетия, переплетаются друг с другом теснее, чем когда-либо раньше.

Покойный ныне великий американский палеонтолог Стивен Джей Гулд под конец жизни заявил, что наука и религия суть «непересекающиеся магистерии», то есть отдельные области человеческой деятельности, которые не могут и не должны вторгаться на территорию друг друга. Это была рожденная лучшими побуждениями попытка добиться прекра-

щения огня в изнурительном локальном конфликте между фундаменталистами, которые не верили Дарвину, и фундаменталистами, которые не верили никому, кроме Дарвина. Как бы ни был прав Гулд в описании того, как *должны* взаимодействовать наука и религия, его модель заведомо неприменима в историческом контексте. Магистерия науки и религии неочевидна, пространна, небрежна и содержит бесконечные захватывающие взаимосвязи.

Часть I

Наука и религия до эпохи науки и религии

Математика-язычницу Гипатию хватает и позже жестоко убивает толпа христиан. В эпоху Просвещения Гипатия превратилась в одну из первых мучениц, ставших жертвой предполагаемого конфликта между наукой и религией. На самом же деле ее смерть была результатом грязной политической борьбы в вечно неспокойной Александрии

Глава 1

Природа натурфилософии: наука и религия в древнем мире

«ТРЕПЕЩУЩЕЕ ТЕЛО БЫЛО БРОШЕНО В ОГОНЬ»: РЕКОНСТРУКЦИЯ УБИЙСТВА

В марте 415 г. толпа разъяренных христиан вытащила из повозки и забила до смерти пожилую женщину. Гипатии было около 60 лет, и она входила в число лучших математиков, астрономов и философов того времени. В момент нападения она возвращалась домой после прогулки по Александрии. Фанатики затащили ее в церковь, где раздели и начали колоть (как рассказывает историк Эдуард Гиббон) устричными раковинами. Затем ее тело оттащили на окраину города и сожгли. Это произошло во время Великого поста.

Убийство Гипатии для Древнего мира было тем же, что были суд инквизиции над Галилеем в раннем Новом времени или суд над Скоупсом в современную эпоху, – свидетельством вечного противостояния между наукой и религией. Когда примерно через 1300 лет ее история постепенно стала частью европейской культурной «кровеносной системы», не было сомнений в том, что именно она символи-

зирует. Ирландский философ и вольнодумец Джон Толанд написал длинное историческое эссе с говорящим названием «Гипатия, или История добродетельнейшей, ученойшей и достойнейшей дамы, разорванной на куски александрийским духовенством, чтобы удовлетворить гордость, зависть и жестокость своего архиепископа, широко, но незаслуженно известного как святой Кирилл». Через 15 лет французский скептик Вольтер писал о ее «зверском убийстве», совершенном «гончими Кирилла с тонзурами». Он связывал это преступление с верой Гипатии в языческих богов и ее приверженностью рациональным законам природы. К рассказу о ее судьбе он добавил ехидное замечание: «Красивых женщин раздевают не для того, чтобы их убивать»⁵. Представитель следующего поколения Эдуард Гиббон красочно описывал, как Гипатию «безжалостно избивала» «кучка диких и бесчеловечных фанатиков», после чего ее плоть была «содрана с костей», а «трепещущее тело было брошено в огонь»⁶. Столетием позже англиканский священник Чарльз Кингсли посвятил ей целый роман под названием «Гипатия, или Новый враг со старым лицом».

Жизнь и смерть Гипатии для всех имела важное значение. Для Толанда эта история стала мощным антиклерикальным символом. Вольтер и Гиббон подчеркивали с ее помо-

⁵ Вольтер. Важное исследование милорда Болингброка // Вольтер. Бог и люди: Статьи, памфлеты, письма». Т. 1. – М.: Издательство академии наук СССР, 1961.

⁶ Гиббон Э. Закат и падение Римской империи. Т. 5. – М.: Терра, 1997.

щью превосходство холодной рациональной логики античного мира над безумной, пропитанной верой истерией мира христианского. Для Чарльза Кингсли она была символом зловещей порочности католицизма. А для Джона Дрейпера, подробно описавшего судьбу Гипатии в своей «Истории умственного развития Европы», она стала еще одним примером того, как религия подавляет науку: «Отныне наука должна погрузиться во мрак и принять подчиненное положение. Нельзя больше терпеть ее публичное существование»⁷. К сожалению для тех, кто хотел бы использовать этот случай в корыстных целях, смерть Гипатии почти никак не была связана ни с наукой, ни с религией, ни с философией.

Гипатия была одной из немногих признанных женщин-философов и математиков Античности, хотя ее нельзя назвать феминисткой в современном смысле слова. Она гордилась своим сексуальным воздержанием и одевалась в скромные одежды философа. Однажды она отогнала пристававшего к ней ученика, размахивая перед его лицом гигиенической прокладкой и громогласно осуждая его за то, что он желал предпочесть плотские удовольствия интеллектуальным. Несмотря на приверженность языческим верованиям, она предпочитала философские высоты примитивности культа. Среди ее учеников были представители всех слоев общества. Там было много христиан, двое из которых ста-

⁷ John William Draper, *History of the Intellectual Development of Europe*, Vol. I (London: George Bell and Sons, 1891), p. 325.

ли епископами, а еще один, Орест, был префектом Александрии, а затем стал губернатором Египта. И ее мысли, и круг ее знакомств были характерны для высших слоев общества. «Что общего может быть между простым человеком и философией?» – задавался вопросом один из ее последователей⁸. Жемчужины ее мудрости стоили слишком дорого, чтобы разбрасывать их перед городскими свиньями.

Александрия представляла собой один из величайших городов империи, изобиловавший церквями, храмами и школами, в которых изучали математику и медицину. Там работали катехизические и раввинские школы, жили теологи и философы, простые люди и бандиты. Город отличался высоким уровнем насилия, там часто вспыхивали волнения и происходили громкие расправы. В то же время Александрия переживала период стремительных, насаждавшихся сверху и вызывавших массовое неприятие социальных изменений. Император все активнее ограничивал языческие практики и продвигал христианскую веру. Теофил, патриарх города, уже многие годы боролся с языческими культами, и эдикты императора Феодосия позволили ему захватить Серапеум, главный языческий храм города. И это привело к волнениям, которые переросли в настоящую войну. Теофила совершенно не интересовала Гипатия, а она не стремилась защищать Серапеум, однако этот инцидент показал, что город на-

⁸ Синезий Киренский. Полное собрание творений в 2 т. Т. 2. – СПб.: Свое издательство, 2012–2014.

ходил на грани анархии.

Теофил может показаться вполне толерантным по сравнению со своим племянником Кириллом, который занял его должность в 412 г. Обретя власть, Кирилл сначала обратился против других христианских фракций, затем – против тех, кого считал недостаточно ортодоксальными, а потом – и против евреев.

Префект Орест был недоволен вмешательством Кирилла в городскую политику. Он арестовал и пытал одного из приближенных патриарха. Кирилл обратился за поддержкой к своим монахам, и один из них ранил правителя. Тот в ответ приказал сначала пытать своего обидчика, а затем и убить его. К несчастью, затем Орест обратился за помощью к своей подруге-философу Гипатии. Женщина пользовалась большим уважением, однако принадлежала скорее к элите города, чем к простому народу. Среди жителей быстро распространился слух о том, что она колдунья и именно из-за ее заклинаний Орест так возненавидел патриарха. Люди отреагировали как умели.

Убийство Гипатии было осуждено летописцами, как язычниками, так и христианами, однако память о ней быстро угасла. Вспомнили о Гипатии лишь через несколько столетий благодаря ученым эпохи Просвещения, имевшим собственную точку зрения на католицизм, монахов, истину и науку. Однако Гипатия не была ни мученицей во имя науки, ни жертвой религии. Скорее, ее смерть стала результатом

крайне жестокой политической борьбы в александрийском обществе – хотя вряд ли это могло бы утешить ее в тот миг, когда фанатики-христиане резали ее черепками от глиняной посуды, как сообщает летописец Сократ Схоластик.

«ВСЕ СУЩЕЕ ПОЛНО БОЖЕСТВЕННЫХ СИЛ»: *SCIENTIA* И *RELIGIO*

Истинная история смерти Гипатии должна предостеречь нас против того, чтобы делать поспешные выводы из исторических событий. Кирилл, Орест и кучка александрийских христиан в самом деле кажутся лишь управляемыми, косными и жестокими фанатиками, однако превращать этот случай в принципиальный конфликт между наукой и религией было бы грубой и анахроничной ошибкой.

Гипатия, бесспорно, была прекрасным астрономом и первоклассным математиком, хотя эти дисциплины в Древнем мире значительно отличались от современных наук. Они были частью более масштабного философского поиска истины, красоты и стремления к идеалу. Геометрия открывала врата к божественному; понимание небесных законов помогало осознать все неизменное и священное, вознося человеческое мышление и жизнь к совершенству. Работы Гипатии, возможно, не были так пропитаны мистицизмом и предсказаниями, как работы ее отца (тоже выдающегося математика), однако были все же глубоко религиозными. В любом случае

речь не шла о науке в привычном для нас смысле слова.

Важность этого тезиса сложно переоценить. Ни наука, ни религия в знакомой нам форме не существовали в античном мире – как и в исламском, индийском, китайском или средневековом европейском. В каждой из этих культур имелись более или менее организованные, системные и рациональные школы для изучения природы, однако такое изучение не было независимой дисциплиной вплоть до конца XIX в.

Современное слово *science* («наука») происходит от слова *scientia*, означающего всего лишь «знание». *Scientia* была ступенью на пути к *sapientia* – «мудрости», или «проницательности». Исследования природы и космоса были неотъемлемо связаны с более широкими философскими целями, такими как поиски истинного пути для жизни и веры. В мире поздней Античности, где доминировала неоплатоническая философия Гипатии, *scientia* предполагала постижение вечных и необходимых космических истин, позволявших приблизиться к трансцендентному совершенству в земной жизни.

Впрочем, наука ради самой науки тоже существовала. Сенека в своей книге «О природе» говорил, что изучение природы производится «не корысти ради, но из чистого восхищения», удовольствия от встречи с природой, которая «увлекает человека самым своим величием»⁹. Однако даже Се-

⁹ Сенека. О природе // Луций Анней Сенека. Философские трактаты. – СПб.: Алетея, 2001.

нека, философ-стоик, признавал, что конечная цель изучения природы состоит в понимании того, какой эффект она оказывает на успокоение человеческого разума. Цель натурфилософии состоит в том, чтобы направлять человеческую жизнь, этику, религию и политику. Изучение естественного устройства помогало людям постигать устройство нравственное и божественное.

Таким образом, конечной целью астрономии (по крайней мере, по мнению самого известного астронома Птолемея) было нравственное и духовное формирование человека. Гипатия изучала геометрию и звезды, чтобы осознать неизменное совершенство собственной жизни. Природа предлагала аналогичные уроки. Философская школа стоиков считала, что жизнь добродетельна, если она проживается в согласии с природой. Напротив, эпикурейцы верили, что понимание природы может освободить людей от страха смерти или наполненной страданиями посмертной судьбы. Натурфилософия была не отстраненной, нейтральной и объективной дисциплиной, пытающейся понять природу саму по себе, но представляла собой средство формирования человека и общества, в котором он живет.

Таким образом, античная наука (позволю себе не использовать здесь кавычки) не была лишена корыстного интереса. Не была она и натуралистической. Методологический натурализм – идея о том, что природные явления могут иметь лишь естественные объяснения, – это характеристика совре-

менной науки. В античной же науке, напротив, всегда присутствовал элемент божественности. Философы до Сократа, с которых принято отсчитывать историю науки, выступали против мифического мира Гомера и Гесиода, где боги оказывали прямое, постоянное, бесконтрольное и основанное на прихоти влияние на мир. Однако мир самих этих философов вовсе не был лишен богов. Так, древний философ Анаксагор был изгнан из Афин за утверждение о том, что Солнце представляет собой огненную массу расплавленного металла, а Луна – небесное тело, напоминающее Землю и отражающее свет Солнца. При этом он считал, что божественный, космический разум упорядочивает все творение и управляет им. Плиний Старший начинает свою энциклопедию «Естественная история» гимном «равнобожественному, вечному, безмерному»¹⁰. Гиппократова медицина развивалась параллельно с ростом религиозного культа Асклепия. Врачи не видели ничего особенного в том, чтобы объяснять болезни одновременно и божественными, и естественными причинами. Наиболее известный античный медик-исследователь Гален усматривал целенаправленный замысел в безупречном устройстве тел человека и животных. Даже Аристотель, величайший среди древних ученых, который предложил естественную цепь причинности для всего сущего на небесах и Земле, упоминал прямое божественное вмеша-

¹⁰ Плиний Старший. Естественная история. Кн. 2. Архив истории науки и техники. Вып. 3. Сборник статей. – М.: Наука, 2007.

тельство как причину движения звезд (другого объяснения он не находил). К Богу обращались для описания акта творения, управления миром и вмешательства в случаях, когда «натуралистические» объяснения оказывались бессильны, и как к высочайшему совершенству, к которому стремится все происходящее. Натурфилософы порой принижали и минимизировали силу богов, но редко отрицали ее полностью. Все сущее было действительно «полно божественных сил», как провозглашал древний философ Фалес.

Таким образом, натурфилософия переплеталась с тем, что мы (возможно, совершая анахроничную ошибку) можем назвать религией. Религия, или *religio*, в античном мире была скорее связана с благочестием, правильными формами жизни и поклонения, а не с доктриной или верой. Даже для христиан, которые, что было довольно необычно, формулировали свои убеждения в виде символов веры, суть религии сводилась к надлежащим ритуалам и поклонению. «Чистое и непорочное благочестие», как утверждается в Послании Иакова 1:27, состоит в том, чтобы «призирать сирот и вдов в их скорбях»¹¹. Блаженный Августин писал в более критическом тоне, что «истинная религия порицает» суеверную практику «жертвоприношений... приносимых ложным богам»¹².

Как отмечал Августин, практика истинной религии в значительной степени зависит от того, кому или чему совер-

¹¹ Послание Иакова 1:27 (синодальный перевод).

¹² Augustine, Letter 102, Sect. 19.

шалось поклонение. Он продолжал свои размышления: «Не имеет значения, что люди поклоняются, исполняя разные обряды в разное время или в разных местах, если объект их поклонения священен»¹³. Однако если люди поклонялись чему-то созданному ими или чему-то нечестивому – ложным богам, земным идолам, императору или природным явлениям, – их *religio* была ложной.

«В ЛЮБОЗНАТЕЛЬНОСТИ НАМ НЕТ НУЖДЫ ПОСЛЕ ИИСУСА ХРИСТА»: НЕОДНОЗНАЧНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Воспринимая науку как часть философии, а философию как способ понимания человеческой цели, предназначения и правильного образа жизни в мире, пронизанном божественным духом, мы можем лучше понять сложные и порой противоречивые взаимоотношения с ней христиан (и иудеев) античного мира.

Разумеется, никакого единственного подхода не существовало. Некоторые христианские епископы сидели у ног Гипатии, а другие закрывали глаза на ее убийство. Как правило, большинство Отцов Церкви (так стали называть ведущих богословов раннего христианства) относились к философской среде своего времени позитивно, хотя и критиче-

¹³ Ibid., Sect. 10.

ски. Один из первых Отцов Церкви Иустин Философ называл философов «подлинно святыми» и считал разум божественным даром¹⁴. Климент Александрийский называл философию «делом Божественного провидения»¹⁵. Его современник Ориген был, по воспоминаниям учеников, настолько погружен в языческую философию, что «требовал от нас изучать философию, читая все существующие произведения древних [...]». С полной свободой мы исследовали их все, наслаждаясь и получая удовлетворение от насыщения души»¹⁶.

Впрочем, подобное уважение было далеко не повсеместным. Татиан Ассириец выступал с нападка́ми на языческие школы¹⁷. А живший в III в. автор книги «Дидакалия Апостолов» предостерегал: «Избегайте всех языческих книг». Возможно, наиболее известен отец Римской церкви Тертуллиан, который язвительно вопрошал, какое отношение Афины, где жили сторонники языческой философии, имеют к Иерусалиму, центру религии евреев и христиан. «В любознательности нам нет нужды после Иисуса Христа, а в поисках истины – после Евангелия. Раз мы верим, то не желаем ве-

¹⁴ «Разговор с Трифоном Иудеем», в кн. Св. Иустин-философ и мученик: Творения. Репринт. изд. – М.: Паломник; Благовест, 1995.

¹⁵ Климент Александрийский. Строматы: в 3 т. – СПб.: Изд. Олега Абышко, 2003.

¹⁶ Lindberg and Numbers, *God and Nature: Historical Essays on the Encounter between Christianity and Science* (Berkeley; London: University of California Press, 1986), p. 24.

¹⁷ Ibid.

ритель ничему сверх этого!»¹⁸ Это была недалёковидная и самодовольная позиция, которая, впрочем, восхищала критиков тогда и сейчас. «Пусть никто не приходит к нам, если он образован, мудр или просто разумен», – насмеялся над ней оппонент, язычник Цельс¹⁹. «Наши доводы основаны на рассуждениях, – заявлял последний император-язычник Юлиан. – А все ваши доводы сводятся к одному императиву – верь!»²⁰

Раннехристианское понимание натурфилософии все же смогло сыграть свою роль в напряжённых отношениях с языческим восприятием мира. Изучение природы считалось своего рода поучительным занятием: полезным, но опасным. Августин в своей книге со сбивающим с толку названием «О Книге Бытия» признавал, что языческие философы знали о природе поразительно много:

О Земле, небе и остальных элементах видимого мира, о движении и обращении, о величине и удалённости звезд, о затмениях Солнца и Луны, о круговращении годов и времен, о природе животных, растений, камней и тому подобном.

Подобное знание не следовало отвергать, как предлагали

¹⁸ Тертуллиан. О прескрипции [против] еретиков / Общая редакция и составление А. А. Столярова. Текст и перевод – издательская группа «Прогресс»-«Культура». – Москва, 1994.

¹⁹ Ориген. О началах; Против Цельса. – СПб.: Библиополис, 2008.

²⁰ Lindberg and Numbers, *God and Nature*, p. 25.

некоторые христиане. «Бывает крайне стыдно, опасно и даже губительно, – громогласно провозглашал Августин, – когда какой-нибудь неверный едва удерживается от смеха, слыша, как христианин, говоря о подобных предметах якобы на основании христианских писаний, несет вздор». Христиане плавали в тех же интеллектуальных водах, что и язычники. Высказывания на научные темы без должных знаний лишь давали их противникам дополнительные аргументы для критики.

В той же книге Августин размышлял над тезисом о том, что «всякое самое обычное движение природы имеет свои известные естественные законы». Основываясь на идеях стоиков и Библии, он утверждал, что развитие природы определяется некими «семенными причинами». И это был не мир прямого божественного вмешательства (если не принимать во внимание чудеса). Скорее, Бог предпочел использовать вторичные силы, чтобы создать «все, что сотворено»²¹.

Впрочем, такие положительные идеи и мягкий тон не отражали всей картины. Августин принимал натурфилософию, поскольку она помогала более глубокому познанию Бога и его целей. Однако вне этих пределов она могла считаться бесполезной или даже вредной. Любопытство отвлекало от важного и даже порой считалось своего рода духовной гордыней. Особенно это касалось астрологии. В то время астрология считалась наукой, а разграничение между ней и астро-

²¹ Ibid., p. 37.

номией в античном мире практически отсутствовало. Птолемей написал и труд «Альмагест», игравший ведущую роль в европейской и ближневосточной астрономической мысли на протяжении 1300 лет, и «Тетрабиблос», описывавший философию и практику астрологии.

Отцы Церкви резко осуждали астрологию. И дело было не только в том, что она приписывала якобы божественную силу объектам создания, а не самому Творцу. Она подрывала человеческую свободу, а следовательно, и роль человека как единственного существа, призванного исполнять волю Бога. В этом противостоянии мы видим зарождение более широкого «человеческого» фактора, роль которого усилится позже, когда наука и религия разовьются в отдельные категории.

С точки зрения астрологии поступки человека определялись расположением звезд, а не его свободной волей. Иными словами, люди не могли быть объектами ни похвалы, ни проклятия, ни осуждения. Вследствие всего этого астрология часто подвергалась критике и насмешкам со стороны Отцов Церкви. Так, Августин использовал для доказательства своей точки зрения логику исследования близнецов. По его словам, астрологи никогда не могли объяснить, откуда «в близнецах такое различие... [хотя] зачатие совершается в одно соитие»²².

Многие Отцы Церкви охотно отделяли астрологию от астрономии, однако для некоторых это было невозможно. И да-

²² Ibid., p. 38.

же если астрология необязательно вела к интеллектуальному упадку, она все равно могла рассматриваться как опасное отвлечение. Знание о небесных телах, как писал Августин в книге «О христианском учении», не является «суеверием», но при этом «не слишком, а пожалуй, и ничем не помогает толкованию Священного Писания»²³. Из-за «болезни любопытства, – язвительно писал он в своей «Исповеди», – у людей возникает желание “порыться в тайнах природы”, хотя знание их не принесет никакой пользы... Люди хотят узнать их, только чтобы узнать»²⁴.

Этот критический подход имел долгую историю и не был уникальным для христиан. Целый ряд философов выражал убеждение (приписываемое Сократу) в том, что теоретический интерес к небесным явлениям – это напрасная трата времени и отвлечение от философских путей, действительно ведущих к добродетельной жизни²⁵. Однако Отцы Церкви выступали с самой резкой критикой. Амвросий, епископ Милана, жил примерно в одно время с Гипатией. Он был хорошо образован. Его высоко ценил Августин, особенно отмечавший его необычную привычку читать молча²⁶. При

²³ Аврелий Августин. О христианском учении // Антология средневековой мысли: Теология и философия европейского Средневековья: в 2 т. Т. 1. – М.: Амфора, 2008.

²⁴ Аврелий Августин. Исповедь. – М.: Дарь, 2005.

²⁵ Daniel Špelda, The Importance of the Church Fathers for Early Modern Astronomy, *Science & Christian Belief*, 26(1), 2014, p. 28.

²⁶ Аврелий Августин. Исповедь.

этом он был крайне враждебно настроен к натурфилософии, видя в ней высокомерную и в конечном счете бесполезную попытку постичь божественные тайны. Амвросий отвергал законность творения, на которую намекал Августин (и даже Священное Писание). Книга Бытия описывает порядок творения, а Книга Премудрости Соломона учит, что Бог «все расположил мерою, числом и весом», – и на это положение через несколько столетий ссылался физик Джеймс Клерк Максвелл²⁷. Однако Амвросий отвергал эту идею, считал ее враждебной абсолютной власти Бога и вместо этого цитировал слова Иисуса из Евангелия от Марка 14:36 («Для Тебя все возможно»). Обращаясь к Книге Иова – что выглядит несколько странным, учитывая, что в ней, по сравнению с другими Писаниями, уделяется необычайно много внимания миру природы, – Амвросий полагал, что «Бог ясно показывает, что все существует благодаря Его величию, а не числу, весу или мерам»²⁸. Этот подход, с которым 600 лет спустя столкнулся и ислам, угрожал отравить науку в корне. По мнению Амвросия, изучать и измерять сотворенный Богом мир с помощью человеческого разума было не просто глупо и опасно: это было нечестиво и в конечном итоге бессмысленно. «Я убежден, что все подчиняется Его воле, которая составляет основу мироздания».

²⁷ Книга Премудрости Соломона, 11:20.

²⁸ Цит. по: Špelda, 'Importance', p. 41.

«ПУСТЬ НИКТО НЕ СПРАШИВАЕТ...»: ВОЗРОЖДЕНИЕ ИЗ РУИН

Отношение Амвросия к натурфилософии давало поддержку тем, кто видел в триумфе христианства смертный приговор для античной науки. Казалось, что натурфилософия погублена, а виновниками этого стали Амвросий и другие Отцы Церкви.

Впрочем, это – как и общепринятая версия убийства Гипатии – всего лишь упрощение реальности. Отчасти сознательное принижение роли натурфилософии, типичное для знаменитых христианских мыслителей поздней Античности, помогло ее ослабить. Науке позволялось стать отличной разумной «служанкой», но нельзя было выходить за рамки этой роли. Тем не менее было бы преувеличением считать, что Отцы Церкви смогли в одиночку уничтожить древнюю науку.

На самом деле натурфилософия находилась в упадке уже к началу IV в. Она редко, если вообще когда-либо, пользовалась поддержкой императоров, политиков или институтов власти. За исключением медицины и в значительно меньшей мере астрономии, развитие натурфилософии не приносило никакой очевидной личной, практической или социальной выгоды. Эта «наука» в течение долгого времени существовала исключительно за счет средств и инициатив отдельных

любопытных людей и их временных покровителей.

Величайшие натурфилософы Древнего мира (прежде всего Аристотель) были первопроходцами, исследовавшими природу и формулировавшими новые идеи, связанные с их открытиями. Однако еще задолго до того, как первый Отец Церкви поднес перо к пергаменту, Аристотель уже превратился в непререкаемый авторитет, эмпирическая наука стала редкостью, а натурфилософы начали жаловаться на всеобщее равнодушие. Уже в I в. Плиний Старший с грустью писал о недостатке серьезных научных исследований, безразличии и невежестве своих соотечественников-римлян. К тем временам, когда жили Амвросий и Гипатия, величайшие научные открытия были уже далеко в прошлом, а работа ученых состояла в основном в их комментировании. Древняя наука превратилась в изношенное одеяние, дыры в котором возникли без участия Августина и Амвросия.

Впрочем, все это оказалось несущественным, поскольку одеяние полностью распалось на куски вследствие политического и экономического крушения Западной Римской империи в V в. Города, библиотеки и школы были уничтожены, власть императоров пала, а накопленные за сотни лет знания полностью утрачены. И хотя в лагере атеистов до сих пор не утратила силу идея о том, что это произошло прежде всего в результате действий злобных и невежественных христиан (например, тех, кто расправился с Гипатией), она не находит достаточного подкрепления и в любом случае подвергается

сомнению из-за отчаянных попыток монастырей сохранить хотя бы остатки прежней культуры²⁹. Повсеместно, от Византии в Южной Италии до аббатства Монкуирмут-Джарроу в Нортумбрии, монахи переписывали ветхие манускрипты времен Античности и обменивались ими, причем как христианскими, так и языческими.

²⁹ Luke Lavan and Michael Mulryan (eds), *The Archaeology of Late Antique 'Paganism'* (Leiden; Boston: Brill, 2011), p. xxiv: «В результате последних исследований можно с уверенностью утверждать, что в период поздней Античности храмы не были повсеместно превращены в церкви и подвергались массовому разрушению».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.